

ПАВЕЛ КОВАЛЕВСКИЙ

СОЧИНЕНИЯ ЧЛЕНА СОВЕТА ВСЕРОССИЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО СОЮЗА,
ВЫДАЮЩЕГОСЯ РУССКОГО ПСИХИАТРА,
ПОЛИТИЧЕСКОГО ПУБЛИЦИСТА И ОБЩЕСТВЕННОГО ДЕЯТЕЛЯ

РУССКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ И НАЦИОНАЛЬНОЕ ВОСПИТАНИЕ

Православие, самодержавие и неделимость
земли Русской — аксиома,
вытекающая из существа русского народа

Кто не уважает своей Родины,
тот не уважает себя и не имеет права
на уважение к себе

Павел Иванович Ковалевский

Русский национализм и национальное воспитание

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27357852

Русский национализм и национальное воспитание / Павел Ковалевский. – М.: Центрполиграф, 2017. 978-5-227-07517-8; Центрполиграф; Москва; 2017 ISBN 978-5-227-07517-8

Аннотация

Эта книга представляет собой сборник сочинений П.И. Ковалевского, выдающегося русского психиатра, политического публициста и общественного деятеля, посвященный одной теме – русской нации и русскому национализму. Сочинения были созданы в период его участия в деятельности Всероссийского национального союза и интересны, главным образом, как исторический памятник ушедшей эпохи, как одна из первых попыток в русской мысли теоретически исследовать такие сложные феномены, как нация и национализм, и именно в этом качестве они могут привлечь внимание любознательного читателя.

Содержание

От издателя	5
Русский национализм и национальное воспитание	9
Часть первая	9
Исторический очерк русского национализма	9
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Павел Ковалевский

Русский национализм и национальное воспитание

Ясно – национализм и патриотизм не одно и то же. Скорее, патриотизм – понятие более общее, а национализм – понятие частное. В каждом государстве может быть только один патриотизм и несколько национализмов. Одним из краеугольных внутренних устоев, на которых зиждется сила, крепнет и жизнеспособность государства, один из могущественных оплотов, охраняющих его целостность и благосостояние, – это любовь народа к своему Отечеству, народный патриотизм.

П.И. Ковалевский

СОЧИНЕНИЯ ЧЛЕНА СОВЕТА ВСЕРОССИЙСКОГО
НАЦИОНАЛЬНОГО СОЮЗА, ВЫДАЮЩЕГОСЯ РУС-
СКОГО ПСИХИАТРА, ПОЛИТИЧЕСКОГО ПУБЛИЦИ-
СТА И ОБЩЕСТВЕННОГО ДЕЯТЕЛЯ

Русский национализм и национальное воспитание
Психология русской нации
Александр III – царь-националист

От издателя

Предлагаемая книга представляет собой сборник сочинений П.И. Ковалевского, выдающегося русского психиатра, политического публициста и общественного деятеля, посвященных одной теме – русской нации и русскому национализму.

Павел Иванович Ковалевский родился в 1849 г. (по другим данным – в 1850 г.) в местечке Петропавловка Павлоградского уезда Екатеринославской губернии в семье священника. Первоначально он пошел по отцовским стопам и в 1869 г. закончил Екатеринославскую духовную семинарию, но в том же году круто сменил жизненное поприще и поступил на медицинский факультет Харьковского университета, который в 1874 г. с отличием закончил. В 1877 г. он успешно защитил докторскую диссертацию по психиатрии «Об изменении чувствительности кожи у меланхоликов». В том же году приват-доцент Ковалевский возглавил первую самостоятельную кафедру психиатрии и неврологии в Харьковском университете. В 1889 г. он был назначен деканом медицинского факультета Харьковского университета, а затем ректором Варшавского университета (1892–1897). С 1903 по 1906 г. Павел Иванович – заведующий кафедрой психиатрии Казанского университета, позднее читал курс судебной психопатологии на юридическом факультете Петербургско-

го университета. В 1893 г. Ковалевский стал основателем и редактором первого психиатрического журнала на русском языке «Архив психиатрии, неврологии и судебной психопатологии». Кроме этого, он выпускал «Журнал медицины и гигиены», «Русский медицинский вестник», «Вестник идиотии и эпилепсии», «Вестник душевных болезней». Перу Ковалевского принадлежат свыше 300 книг, брошюр, журнальных статей по различным вопросам психиатрии, невропатологии и психологии, среди которых книги «Психиатрия», «Общая психопатология», «Руководство к правильному уходу за душевными больными», «Судебная психиатрия», «Психология пола», «Психология преступника», «Основы психологии человека», «Учебник психиатрии для студентов» и др.

Но круг интересов Павла Ивановича не ограничивался его специальностью. Он активно выступал в качестве историка-популяризатора, среди читающей публики большим успехом пользовались такие его сочинения, как «Народы Кавказа», «Завоевание Кавказа Россией», «История Малороссии», «История России с национальной точки зрения» и др. На пересечении психиатрического и исторического анализа построены его «Психиатрические эскизы из истории», в которых демонстрировалась связь событий отечественной и мировой истории с психическими состояниями выдающихся людей – Ивана Грозного, Павла I, Магомета, Жанны д'Арк, Наполеона и др.

Еще одной важнейшей стороной творчества и деятельности Ковалевского было его участие в русском националистическом движении начала прошлого века. С образованием в 1908 г. крупнейшей русской националистической организации Всероссийского национального союза Павел Иванович стал одним из его ведущих идеологов.

После Октябрьской революции Ковалевский был принудительно мобилизован в Красную армию в качестве главного врача военного отряда. После окончания Гражданской войны вплоть до 1924 г. ученый работал старшим врачом психиатрического и нервного отделения Николаевского госпиталя в Петрограде. В декабре 1924 г. он получил разрешение на выезд за границу и покинул СССР. Остаток своей жизни Павел Иванович прожил в небольшом бельгийском курортном городе Спа, продолжая заниматься научной и публицистической деятельностью. Скончался П.И. Ковалевский 17 октября 1931 г. в Льеже (Бельгия).

Сочинения Ковалевского, представленные в настоящем издании, созданы в период его участия в деятельности Всероссийского национального союза. Большую часть книги занимает работа, давшая название всему сборнику «Русский национализм и национальное воспитание в России», впервые изданная в 1912 г. и переизданная с незначительными дополнениями русскими эмигрантами в Нью-Йорке в 1922 г. Ее дополняют статьи «Психология русской нации» (1915) и «Александр III – царь-националист» (1912). Темы, которые

обсуждаются в книге, в России, где остро стоит национальный (в первую очередь – русский) вопрос, остаются актуальными и по сей день.

Конечно, с точки зрения современной науки подход Ковалевского к проблемам нации и национализма во многом устарел. А его некоторые резкие высказывания в адрес отдельных нерусских народов (прежде всего евреев) звучат сегодня неполиткорректно. Но нужно заметить, что сама культура политкорректности не только в России, но и вообще в Европе сформировалась гораздо позже, только после Второй мировой войны. Невозможно подходить к текстам, созданным в совсем другой культурной атмосфере, с мерками нашего времени. Поэтому мы не стали цензурировать эти сомнительные пассажи, не сомневаясь, что читатели сами отсеют зерна от плевел. Работы П.И. Ковалевского интересны главным образом как исторический памятник ушедшей эпохи, как одна из первых попыток в русской мысли теоретически исследовать такие сложные феномены, как нация и национализм, и именно в этом качестве они могут привлечь внимание любознательного читателя.

Русский национализм и национальное воспитание

Часть первая Русский национализм

Исторический очерк русского национализма

«Русские националисты – людоеды...» – так говорят инородцы, ненавидящие Россию и желающие ей зла. Так говорят и некоторые коренные русские: или продавшие свою душу врагам отечества, или люди необразованные, или люди глупые.

Русские националисты – люди в действительности всей душой любящие свою Родину и свою Nation, уважающие ее прошлое и желающие ей славы, мощи и величия в будущем. Таковы русские были, есть и будут во веки веков. Таковыми были чисто русские и русские из инородцев, как Цицианов, Чавчавадзе и многие другие. Они отдавали всецело свою жизнь на служение Родине и безраздельно принадлежат

только ей. Но за то только такие русские и имеют право называться русскими, сынами великой России и пользоваться всеми правами русских граждан.

Те из русских, кои осмеливаются злословить свою мать Россию, кои желают ей зла, кои решаются, живя в ней, действовать во вред ей, – это уже не русские. Это – враги России, а потому пускай не прогневаются, если и мы им скажем, что они не имеют права на пользование благами русского гражданина.

Россия – для русских – в самом широком смысле слова. Но где то государство, где та нация, которые смотрели бы иначе? Президент свободной республики Рузвельт заявил прямо и открыто: американский гражданин только тот, кто всей душой предан Америке. Почему в России должны думать иначе?!

Веков двенадцать – четырнадцать назад в области Карпат скопилось огромное множество славянства. Это было славянское человеческое море. И вот его ручьи потекли на север, и поселилось это племя по Эльбе, Неману, Висле и Двине до берегов Балтийского моря. Потекли ручьи славянства и на юг, дав начало славянским народам: болгарам, сербам, черногорцам и т. д. Потекли они и на восток, дав начало славянам российским или русским.

На долю последних выпала особенно счастливая участь: они заняли обширнейшую, плодороднейшую и многоводную Восточную равнину Европы. Налицо было и богатство при-

роды, и пути сообщения. Встретившиеся здесь финские племена не только не оказали им противодействия, а сами подчинились и ассимилировались славянами.

Пришельцы в какую-либо страну в своем новом отечестве любят давать названия мест, рек и поселений прежнего своего отечества. То же было со славянами. В Карпатах было в ходу название рек: Рось, Росейка, Русь и т. д. Поселившись на востоке, славяне и здесь стали называть свои реки теми же именами. Значительное число славян поселилось у Черного моря, почему и самое море тогда называлось Русским морем, и только ныне оно переименовано в Черное море.

Охотно селились славяне и по Днепру и первому справа притоку Днепра дали название Рось. Отсюда и поселенцы стали зваться российскими славянами, русскими и т. д. И это название восточных славян встречается в греческих и арабских источниках задолго до призвания в Россию новгородских князей. Постепенное ознакомление с местностью подвинуло юго-восточных славян от Русского моря и Роси дальше на север, где образовался весьма видный промышленный и стратегический пункт – Киев. Киев занимал наиболее сильный пункт на пути «от варяг в греки», то есть от балтийских славян и главного славянского пункта Новгорода и до Русского моря и Константинополя. Это был главный путь, где поселились восточные славяне. Кроме того, на побережье Русского и Азовского морей жили также наши братья славяне с главным городом Тмутараканью. Таким обра-

зом, на великой Восточно-Европейской равнине поселились славяне и образовали три главных пункта: на севере, вблизи Балтийского моря, – Новгород, посередине, на Днепре, – Киев и на юге, на берегу Черного (или Русского) и Азовского моря – Тмутаракань. Соединительным путем между этими пунктами был путь «от варяг в греки».

Особенностью славянских, между прочим, и восточных племен было то, что они проявляли крайнюю рознь и едва ли не враждебные отношения друг к другу¹. Этой розни много способствовало и то, что племена жили не вкупе, а разбросанными по всему лицу великой Восточной равнины. Поэтому, несмотря на храбрость и воинственность, они не представляли собою целой, грозной, могучей силы. Некому было их объединить. При недоверии друг к другу таким объединителем не мог явиться человек, вышедший из их же среды. Объединителем явился варяг, князь Рюрик.

Говорят, варяги происходят от норманнов. Это совершенно неверно. Варягами назывались кочующие военные отряды, составленные как из норманнов, так и из других прибалтийских народностей, живших по балтийскому побережью. Скорее всего, Рюрик и его дружина вышли из славянского племени вендов. Это доказывается тем, что весь пришлый владетельный элемент варягов не дал нашим предкам ничего своего ни в языке, ни в религии, ни в учреждениях, ни в нравах и обычаях. Не дали они ничего нового нашим пред-

¹ Ковалевский П.И. История России с национальной точки зрения.

кам потому, что они сами были славяне и всецело слились с призвавшими их славянами.

Призванные русские князья явились первыми объединителями восточных славян. И действительно, уже Олег объединил славян трех важнейших пунктов славянских поселений. Святослав, первый национальный русский вождь, князь-богатырь, закончив это объединение, прихватил к нему и многие финские племена. При Святославе уже Россия стала единым, сильным и мощным государством. Россия Святослава была грозой и для греков, и для западных народов. Этот князь явился цементом русского племени и доказал великую силу и мощь самодержавия в славянском племени. Самодержавие первых князей – это есть органическая основа бытия, величия и мощи последующей России. Это не есть нечто искусственное, а национальная особенность русского народа и нашего государства. Почему русские националисты в числе основ своего национального символа веры кладут самодержавие. Вторым объединительным элементом наряду с самодержавием националисты ставят православие.

Для разъединенного и живущего врознь народа требовалась опека и руководство. Такими опекунами и были князья и духовенство. Но всякая медаль имеет лицевую и обратную сторону. С вокняжением князей Россия стала мощной и великой. Но для поддержания силы и мощи данного общества требовалась дружина. Эта дружина, прежде всего, являлась минусом для работы и экономического про-

изводства общества. Кроме того, вся эта дружина требовала содержания. Народ должен был работать и на себя, и на дружину. Точнее говоря, народ обращался в рабов и лишался той воли, той свободы, которой он пользовался до вокняжения. Это была первая основа закрепощения. В данном состоянии России народу присуще было национальное чувство, князю же и правящему классу – национальное самосознание. Национальное чувство, как и всякое чувство, будет тем ярче и тем напряженнее, чем люди свободнее и привольнее. Рабство угнетает человека и подавляет его чувства, а потому и национальное чувство русского народа в период появления элемента рабства должно было тускнеть и меркнуть. Но то была только часть русской невзгоды.

Русь, центр которой теперь перешел на юг, в Киев, подверглась серьезной беде – нападению печенегов, торков, черных клобуков, половцев и проч. Все эти хищники, нападая на государство, людей резали и брали в полон, а имущество грабили и жгли. Кто страдал? Народ.

Россия считалась владением не князя, а княжеского рода. Такая система породила удельное княжение, а последнее – борьбу за уделы, междоусобицу и самоистребление. По обычаю того времени междоусобица сопровождалась разбоем, пожарами, полоном и убийствами. Кто страдал? Народ. Особенно же страдал народ южной части России, на которую все накидывались, как на житницу. Разорение же народа вело к усилению рабства, а усиление рабства еще больше подавля-

ло национальное чувство.

Татарское иго доконало все.

Юг России стал пустеть. Все, что не было вырезано, то стремилось бежать. Многие из русских южан бежали во Владимиро-Суздальскую землю, где подчинили себе финские племена и ассимилировали их, создав наибольшую ветвь русского племени – великорусскую. Другая часть бежала в Польшу и Венгрию, а часть устремилась к Литве.

Южная Русь опустела.

Там бродили остатки недорезанного русского племени, туда устремились разбросанные остатки торков, черных клобуков и половцев, там селились отдельные роды татарской орды.

Вскоре, однако, стало невозможно южным беженцам в Польше и Венгрии. Религиозное насилие панержства заставило русских беженцев вспомнить о своей матери, Южной России. Они вернулись туда, смешались с бродячими остатками и составили особую ветвь русского племени – малорусскую ветвь, как беженцы в Литву, под влиянием смешения с последней, составили ветвь белорусскую. Но все эти три ветви: великорусская, малорусская и белорусская представляли собой одно единое, нераздельное русское племя.

В период удельного княжения Россия разбилась не только на отдельные ветви, но на мелкие до бесконечности уделы, постоянно враждовавшие между собой и истреблявшие друг друга. Такая рознь, естественно, вела к ослаблению государ-

ства и его бессилию.

Все, что только могло, ополчилось на Россию и бросилось ее грабить. Тут были и татары, и поляки, и венгры, и шведы, и немцы, и кто угодно. А больше всех простирал свою захватную руку на Россию римский папа, которому очень хотелось окатоличить Россию. Россия распадалась. Россия была раздираема. Россия была как бы на краю гибели. Невозможно, чтобы не нашлось мощного человека, который бы не понял причины гибели России в ее удельном споре и не постарался ее спасти. Такие люди нашлись, и такими людьми оказались московские князья.

Уже Андрей Боголюбский понял смысл и значение жития одного княжества и объединение уделов в одних руках. Он первый, получив великокняжеский престол в Киеве, не бросил своего удела и не передал в удел кому другому, а, оставшись княжить на месте, поставил в зависимость от себя самый Киев. С этих пор, мало-помалу, частица по частице к Суздалью стали прилипать местечки, города и целые уделы. Тут были пущены в ход и родство, и купля, и насилие. Потомки Андрея перенесли центр средоточия западнее, в Москву, подальше от орды.

Иоанн Калита проявил особую заботливость к увеличению своей области, а Димитрий Донской называл себя «великим князем всея России».

Домовитости и хозяйственному смыслу московских князей Россия обязана тем, что Русское государство стало

вновь крепнуть, увеличиваться и получать значение и мощь. Ко времени Иоанна Грозного Московская Русь не только объединила все остальные части, но стала присоединять и прежде не принадлежавшие ей земли. Так присоединились все земли по Волге и Каспийское море, а затем и Сибирь. Все это стоило России и крови и средств.

Благодаря московскому собиранию, объединению Руси Россия стала так сильна и велика, что даже Смутное время не погубило ее. Все сословия Руси, особенно же среднее, духовенство и казачество, во что бы то ни стало пожелали иметь царя православного и самодержавного. В этих двух элементах вся исстрадавшаяся Россия видела свое спасение, а в будущем – счастье, величие и мощь государства. Ни папа, ни Жигмонт², ни шведы, несмотря на полную смуту в России, ничего не могли с ней сделать. Россия опять стала самодержавной и осталась православной. Нельзя не отметить в этом периоде особенной заслуги духовенства и церковных учреждений. Когда все гибло, все колебалось, Троице-Сергиева лавра явилась опорой и защитой Руси православной. Это была великая сила, действительно объединившая Россию и спасающая ее нравственно и политически.

Национальное чувство, несмотря на страшный пережитый гнет и тяжелое рабство, еще было сильно в народе.

При избрании царя на русский престол были сторонники и королевича Владислава, и Жигмонта, но эти сторонники

² То есть польский король Сигизмунд III. (Примеч. ред.)

стояли на одном, чтобы их избранники были самодержавными и непременно православными.

Цари из рода Романовых неукоснительно стремились к усилению Русского государства и расширению его границ. Много было пролито крови, много затрачено средств государством, но строительство государственное шло крепко и прочно. Эти великие строители и нам завещали стоять твердо в защиту пролитой нашими предками крови и затраченных средств. Это составляет третий основной принцип националистов: нераздельность империи или единодержавие. Нет слова, монгольское иго причинило России много зла. Сотни тысяч людей погибли в бою, истязаниях и мучениях, еще больше отведено было русских в полон. Земля была разорена и сожжена.

Но была для русских и своя выгода в татарском порабощении. Из всех славян одни только русские славяне сохранили свою национальную самобытность и свою национальную личность. Все прочие подверглись не менее губительному нравственному игу католичества и западничества, потеряв свои основные черты. Но, сохранив свою национальную самобытность, русские надолго отстали от остальной Европы в знаниях и просвещении. Замкнутые и отделенные китайской стеной национализма, русские отбились от папизма и западного воздействия, но вместе с тем лишены были возможности пользоваться плодами науки и просвещения.

Несмотря на все перечисленные невзгоды, русский на-

род допетровского времени был необыкновенно национален. Это был национализм животный, инстинктивный, биологический, но он спас России ее самобытность. Россия не имела Китайской стены физически, но такая стена существовала морально, как она существует тысячелетия и до сегодня у евреев... Сохраняя только замкнутостью свою самобытность, свою национальную чистоту, русские, в силу своей строгой отчужденности, много отстали от просвещенного Запада. Много тому помог и гнет татарского ига. По освобождению от ига русским нужно было собраться, объединиться и укрепиться. Когда это свершилось, оказалось: Россия была выше, но темнее.

И вот Петр I решил дать своей родной земле те знания, те науки, то просвещение, каких ей недоставало.

В стене, отделяющей Россию от Западной Европы, император Петр прорубил окно. Через то окно он внес в свою Родину свет знаний, просвещение и науку. Он пригласил ученых и опытных людей. Он послал в Европу учиться русскую молодежь. Он сам поехал туда учиться. Как великий националист, он выписал людей сведущих учить уму-разуму своих темных подданных; но эти учителя ясно, точно и определенно знали, что они призваны только учить, но не господствовать. Они были учителя, но не начальство. Обучили – и долой. Русские в России были и народ, и власть, а иностранцы – наемники. Не стало Петра I, и дело приняло другой оборот. Все эти шведы, немцы, французы и проч. забрали Россию в

свои цепкие руки и стали повелевать ею, как своей собственностью... Теперь вся Россия поступила в рабство – припомните Бирона, Миниха, Остермана... Каково же было положение наших князей, бояр и дворян?.. Какой тут мог быть русский национализм...

Правда, скоро много посбили спеси у этих проходимцев, тем не менее эти выходцы сохранили свое особенное положение даже и до дня сего... Очень часто они окружали царей непроницаемым кольцом и никого из русских к престолу не допускали...

Русские князья, бояре и почетные служилые люди были если не оттеснены, то часто далеко не в том почете, какой им подобал. Им приходилось быть сдержаннее и осторожнее в своих мыслях и чувствах, ибо впереди их стояли гордые, властолюбивые, самоуверенные, если не нахальные инородцы. Русский национализм, самое большое, только был терпим. К нему инородцы относились свысока, пренебрежительно, если не презрительно.

Таким образом, первое доброе начинание Петра I при его слабых преемниках дало горький плод.

Были и другие благие начинания Петра, которые при его преемниках превратились во зло для русского национального быта. Великий Петр создал великую Россию. Но для того чтобы Россия оставалась великой, требовалось войско, требовались деньги. Собирать и то и другое в столь большом государстве было в то время крайне трудно. Для лучшего успе-

ха в том деле создавались поместья и являлись там помещики. Помещики доставляли войско из подвластных им крестьян. В светлые годы крестьяне работали на помещика, в год недорода и голода помещики кормили своих подвластных. Разумеется, это не нравилось крестьянам, и они переходили с места на место и от помещика к помещику. Тогда-то, во избежание таких недоразумений, крестьяне были закрепощены. Явилось крепостное положение. Явилось крепостное право.

Как Франция, так и Германия не остаются без последователей. Национализм вспыхивает и в соседних государствах. Национализм охватывает Италию, охватывает Испанию и наносит этим великий вред самой наполеоновской Франции.

Первое явное и резкое проявление национализма встречается в лице императора Петра I. Вся его жизнь, все его труды, все его старания направлены на величие, славу и честь России. Он весь, вся его жизнь – только для России. Очень стоит вспомнить знаменитый рескрипт Петра I Сенату из Прутской армии. Военные дела Петра стояли плохо. Всей армии и ему самому грозил плен. И вот он пишет Сенату: «Господа сенаторы: уведомляю вас через сие, что я со всем моим войском, без нашей вины и ошибки, но только чрез ложно полученное известие, окружен вчетверо сильнейшим турецким войском, таким образом и столько, что все дороги к провозу провианта пресечены, и я без особенной Божеской помощи ничего, как совершенное наше истребление или турец-

кий плен, предусматриваю. Если случится последнее, то не должны вы меня почитать царем, вашим государем, и ничего исполнять, чтобы до ваших рук ни дошло, хотя бы то было своеручное мое послание, покамест не увидите меня самолично. Если я погибну и вы получите верное известие о моей смерти, то изберите между собою достойнейшего моим преемником. *Петр*».

Можно ли ожидать большего великодушия и самопожертвования во славу, честь и величие своей Родины, как только что высказанное Петром...

Вторым великим националистом Русской земли является достойный ученик Петра, народный гений – Ломоносов. Всю свою славную жизнь он отдал родине и шел открыто в борьбе за русские интересы в Академии наук. После Петра I петербургская Академия наук наполнилась немецкими бездарностями, замещавшими нередко места в виде приданого за дочерьми академиков. Эти трутни доходили до явного бесчинства, выдавая наглые сочинения, умышленно позорящие Россию и русских. И вот Ломоносов повел энергичную борьбу против этих наглецов и тунеядцев, которые не перевелись и доселе. Особенно же знаменита его баталия против проходимца Мюллера, который хотел произнести бесстыдную речь в открытом заседании Академии наук относительно происхождения предков Рюрика и его рода.

Тут Ломоносов дошел до императрицы и достиг своего. Речь не была произнесена.

«Как при Петре, так и Екатерине II, когда в России исключительно господствовала национально-патриотическая, русская политика, – тогда и духовное настроение русского общества и вся культурная его жизнь, а также и школы отличались твердым патриотическим направлением» (И.П. Корнилов³). Императрица Екатерина II, немка по происхождению, вскоре сознала свое положение – матери великой России и всю свою жизнь отдала на познание силы, величия и мощи России. Высокообразованная, она смущалась положением ее подданных крестьян и указом приказала снять звание «рабов». Это, однако, не мешало А.С. Пушкину сказать: «Екатерина уничтожила звание рабства, но раздарила около миллиона государственных крестьян и закрепостила вольную Малороссию и польские провинции». С кончиной Екатерины II и с воцарением Павла I резко и круто изменился весь строй и направление государственной политики и русская, исключительно национальная политика заменилась разорительной для России политикой вмешательства в посторонние интересы. С конца 1796 г. русская политика имела в виду не одни русские интересы, но также интересы чуждых нам государств и народов, которые, как известно, нередко платили России за ее великодушную и бескорыстную помощь черной неблагодарностью. Так было в царствование императоров Павла I, Александров I и II, Николая I – и только Александр III отступился от этого ложного пути. «При вступлении на

³ Корнилов И.П. Задачи русского просвещения.

престол Павла I и Александра I издревле установившаяся система была нарушена. Означенные государи стали отступать от веками укоренившейся государственной, строго национальной и патриотической системы управления, подчиняться различным случайностям и чуждым внушениям... С этого времени иностранцы получили широкий доступ не только на низшие, но и на высшие государственные должности» (И.П. Корнилов). При всех вышеназванных императорах русские интересы были как бы на втором плане, верховная власть в мировой политике слишком много жертвовала русскими интересами для интересов других наций. Эту политику едва ли можно было назвать строго национальной. И только император Александр III твердо установил принцип «Россия для русских».

Много сделано было вреда для России в царствование Александра I, когда русский народный национальный дух спас Россию от нашествия двенадцати языков и возвысил ее в Европе до небывалой высоты даже при Петре I и Екатерине II.

Особенно много вреда русской нации и русским интересам в царствование Александра I было сделано в Литве и Белоруссии. Литва, Белоруссия и часть Малороссии были присоединены в царствование Екатерины II. Тогда же приняты были и серьезные меры к тому, чтобы укрепить и поддержать русский народ и русское направление в этих губерниях. Наиболее целесообразными мерами для этого признаны бы-

ли русский язык и русская школа.

И вот в царствование императора Александра I враги России употребили самые энергичные меры к тому, чтобы не только уничтожить все то, что сделано было Екатериной, но и вовсе изгладить всякое русское воздействие и ополчить как литвинов и белорусов, так и находящихся там русских людей. Средствами для этого были опять-таки язык и школа, а в придачу к этому и церковь – только не русская, а польская. И нужно сознаться, польские патриоты достигли своей цели в совершенстве.

«На коренной русской земле снова стали открываться в значительном числе при латинских и униатских монастырях и в костелах политические, враждебные нам польские школы... Космополитизм Александра I замедлил культурное и экономическое развитие России и неблагоприятно повлиял на всю систему русского общественного воспитания и обучения».

«В январе 1803 г. Россия была разделена на шесть учебных округов, из которых только Петербургский и Московский вверены были русским сановникам Новосильцеву и Муравьеву, – Виленский же и Харьковский округа полякам – Адаму Чарторыйскому и Потоцкому, – а Деритский и Казанский немцам Клингеру и Мантейфелю.

Все учебные заведения, вся культурная жизнь и деятельность в западных русско-литовских губерниях были отданы в полное распоряжение и управление злейшим врагам рус-

ского государства, православия и русской культуры – князя Чарторыйского и его сообщников: Фаддея Чацкого, Гуго Коллонтая, Яна Спидецкого и др., а также в руки польских иезуитов и различных латинских монастырских орденов... Типичным представителем русского космополитизма того времени был первый министр народного просвещения граф Завадовский, который при Екатерине II усердно служил русской национальной политике...»

О результатах деятельности этих господ вот что пишет князь Хованский в 1824 г.: «В Белоруссии со времени присоединения ее к русской державе воспитание юношества находилось в руках католического и униатского духовенства, образование оно заключалось в школах, учрежденных при кляштрах иезуитских, пиарских и других монашеских орденов... Науки преподаются на польском или латинском языках, – словесность заключается в обучении польскому, латинскому, некоторым иностранным языкам, а русский остается в совершенном небрежении... Существенная система наставников в сих училищах состоит в том, чтобы в учащих слить дух – чистого полонизма, в чем они достигли своей цели... Белорусы, несмотря на давность присоединения края, питают какое-то равнодушие и неприязнь к коренным русским и ко всему русскому»⁴.

Сам император не только не склонен был укрепить русский элемент в Западном крае и обрусить нерусские народ-

⁴ Архив Министерства народного просвещения. № 26265.

ности, но даже хотел создать из Польши самостоятельное государство и выделить к нему литовские и белорусские губернии. Я позволю себе привести здесь выдержки из письма нашего знаменитого историка Н.М. Карамзина к императору Александру I от 17 октября 1819 г.

«Государь! Вы думаете восстановить Польшу в ее целостности, действуя как христианин, благотворя врагам... «Царство Мое несть от мира сего», – сказал Христос, а граждане и государство в сем мире. Христос велит любить врагов, но Он не запретил судьям осуждать злодеев, не запретил войскам оборонять государство. Вы – христианин, но Вы истребили полки Наполеоновы в России... Вы исполняете закон государственный... естественной обороны, необходимой для существования гражданских обществ. Как христианин любите своих личных врагов; но Бог дал Вам царство и вместе с тем обязанность исключительно заниматься благом оногo... Если мы захотим быть христианами-политиками, то впадем в противоречия, в несообразности. Меня ударят в ланиту, я как христианин должен подставить другую; неприятель сожжет наш город: впустим ли его мирно в другой, чтобы он также обратил его в пепел?.. Любите людей, но еще более любите Россиян, ибо они и люди, и Ваши подданные, дети Вашего сердца... Вы думаете восстановить древнее королевство польское; но сие восстановление согласно ли с законом государственного блага России? Согласно ли с Вашими священными обязанностями, с Вашею любовью к России и с

самую справедливостью? Во-первых (не говоря о Пруссии), спрашиваю: Австрия отдаст ли добровольно Галицию? Можете ли Вы, творец священного союза, объявить ей войну, противную не только Христианству, но и государственной справедливости? Ибо Вы сами признали Галицию законным владением австрийским. Во-вторых, можете ли Вы с мирною совестью отнять у нас Белоруссию, Литву, Вольнию, Подолию, утвержденные в собственность России еще до Вашего царствования? Не клянутся ли государи блюсти целостность своих держав? Белоруссия, Вольния, Подолия вместе с Галицией были некогда коренным достоянием России. Если Вы отдадите их, то у Вас потребуют и Киева, и Чернигова, и Смоленска, ибо они также долго принадлежали враждебной Литве... Уподобите ли Россию бездушной, бессловесной собственности? Будете ли самовольно раздроблять ее на части и дарить ими кого заблагорассудится? Россия, государь, безмолвна пред Вами; но если бы восстановилась древняя Польша (чего Боже храни!) и произвела некогда историка достойного, искреннего, беспристрастного, то он, Государь, осудил бы Ваше великодушие, как вредное для Вашего истинного отечества – доброй, сильной России. Сей историк сказал бы совсем не то, что могут теперь говорить Ваши поляки. Извиняем их; но Вас бы мы, русские, не извинили, если бы Вы для их рукоплесканий ввергнули нас в отчаяние. Государь, ныне славный, великий, любезный! отвечаю Вам головою за сие неминуемое действие целого восстановления Польши.

Я слышу русских и знаю их; мы лишились бы не только прекрасных областей, но и любви к царю, остыли бы душою к Отечеству, видя оное игралищем самовластного произвола, ослабели бы не только уменьшением государства, но и духом, унизились бы не только перед другими, но и перед собою... Вы, государь, гнушаетесь рабством и хотите дать нам свободу. Одним словом, восстановление Польши будет падением России, или сыновья наши обогрят своею кровью землю польскую и снова возьмут штурмом Прагу. Нет, государь, никогда поляки не будут нам ни искренними братьями, ни верными союзниками...»

Таково было правдивое и открытое слово истинного сына своей родины России своему государю.

Имея постоянным сподвижником юношеских и зрелых лет поляка Адама Чарторыйского, император Александр I невольно поддался ему и тем возбудил неудовольствие людей, любивших Россию и знавших об этом его намерении. Декабристы, история которых разыгралась по смерти Александра I, народились именно при Александре. В основу их кружка легли идеи французских и немецких националистов того времени.

Еще Мишле проводил настойчиво ту идею, что национальность служит к единению и укреплению государства. И действительно, величие Франции шло рядом и соответственно напряженно с напряжением французского национализма.

Барон Монтескье в его *L'esprit de lois*⁵, в IV книге, настойчиво требует воспитания юношества в духе национализма, полагая в этом силу, славу и величие Франции. Символ монархии – честь, символ республики – добродетель, символ деспотии – страх. Это исповедание стало проповедью французских революционеров. Не тот символ веры, к сожалению, был вожаком наших революционеров 1905 г., во главе которых стояли жестокосердые и человеконенавистные жида, грубые и невежественные армяне и проч. Наши революционеры проповедовали не любовь, равенство и братство, а страх и жестокую деспотию. Позорными памятниками их подвигов служат тысячи искалеченных ими заводских лошадей и сотни тысяч лучших кровных овец... Равенство французских республиканцев состояло в стремлении превзойти друг друга в услугах отечеству. Французская республика имела главной задачей также единство и нераздельность государства. Государство являлось непреодолимым, когда оно было национально.

В 1806 г. Фихте в Германии является великим националистом и всеми силами проповедывает национальное воспитание. То же, между прочим, проповедует и наш революционер Бакунин. Он требует, чтобы воспитание юношества было национальным на языке Родины и с глубокой любовью и преданностью Родине. При Фихте в Германии организуется горячо национальный кружок «Союз добродете-

⁵ «Дух законов» – главное сочинение Монтескье. (Примеч. ред.)

ли» (Tugenbund), который так настойчиво проводит искренний национализм.

В царствование Александра I наряду с его намерением восстановить Польшу с наделением ее русскими владениями вспыхивает очень острый и яркий национализм. Во главе русской национальной партии стоит А.С. Шишков. В царствование явного космополита-мечтателя Александра I пишутся удивительно национально зажигательные манифесты, как, например, к русскому народу по окончании войны 1812 г., смоленскому дворянству, войску Донскому и проч. Эти манифесты как бы писаны кровью и огненными буквами. Нельзя читать их без волнения и увлечения... И все эти манифесты писаны рукою А.С. Шишкова⁶.

Но как бы под тенью всего этого совершенно отдельно, независимо и само собою возникло новое течение, течение в самом обществе, в его молодежи и особенно в войске. В течение многолетних войн в Европе русская военная молодежь успела ознакомиться и увлечься и национальным увлечением французов, и особенно национальным течением Германии. Интеллигенция всех стран того времени была весьма национальна. Весьма естественно, что и русская военная интеллигенция увлеклась национализмом. Германский Tugenbund был перенесен почти целиком в Общество добродетели нашей русской молодежи и послужил ядром обще-

⁶ *Высочайшие* манифесты и указы, относящиеся к войне 1812 г. Изд. Всероссийского национального клуба. 1912.

ства будущих декабристов. Тут разрабатывалась идея освобождения крестьян и реформа самоуправления; тут же зрел резкий отпор и идее выделения части России в пополнение свободной Польше. Этот протест выливался в весьма резкую и решительную форму. Виднейшими деятелями в этом направлении являлись И.Д. Якушкин, П.И. Пестель и др.

Таким образом, в царствование Александра I ярко и одновременно существуют в России резкий космополитизм со склонностью поддержания других наций в ущерб коренной державной нации – и вместе с тем резкий национализм в администрации, научных сферах и интеллигенции.

В царствование Николая I вмешательство в чужие государственные дела за счет русской коренной нации продолжается. Мы делали Венгерскую кампанию, мы заступались за греков и проч., а русский народ является только верным подданным... В воспитательном отношении мы стоим не лучше. «Космополитизм, укоренившись в Министерстве народного просвещения с самого его основания, произвел в нашем педагогическом деле величайшее зло: он внес в школы России и в наше общественное воспитание национальное и нравственное безразличие и подорвал основы патристического православного воспитания старой русской школы» (И.П. Корнилов).

Особенно жалкое положение национализма было в царствование Александра II. Малейшие намеки Каткова, славянофилов и проч. на русский патриотизм – слово «национа-

лизм» даже не употреблялось – вызвали глупую и пошлую, но весьма ядовитую фразу «о квасном патриотизме». Нужно было посмотреть, с каким презрением произносилась эта фраза.

Сам император Александр II всей душой любил Россию и русский народ. Первой его заботой было по восшествии на престол освободить народ от крепостной зависимости и уничтожить рабство. Но вместе с тем он был широко космополитически-либерального направления. Приняв от своего родителя конец Крымской войны, которая преследовала не русские, а общечеловеческие интересы, Александр II не закончил на этом, а предпринял освобождение от турецкого ига и сербов, и болгар. Таким образом, русская кровь лилась, и народный труд тратился не на Россию, а опять только на славянские общечеловеческие интересы.

У престола стояли немцы, шведы, поляки и другие инородцы. От них можно ли было ожидать России национально-го направления... Были в небольшом числе и истинно русские люди, славные бояре прежнего времени: княжеские фамилии, родовитые дворянские фамилии. Все эти люди были преданные верноподданные своего государя, достойные сыны своей Родины, в большинстве высокообразованные и искренно желавшие добра тому несчастному рабу, о котором всей душой заботился юный государь. Перечитывая историю разработки вопроса освобождения крестьян от крепостной зависимости, нельзя не поражаться тем искренним единоду-

шим, с которым лучшие люди государства, русские магнаты старались помочь юному государю облегчить участь действительно несчастных рабов.

Да и было о чем позаботиться. Положение крепостных во многих случаях было более чем ужасно. В губерниях северных и средних, особенно где владельцами были русские крупные помещики, родовитые дворяне, положение крестьян зачастую было не только сносное, но прямо достаточное. Многие крестьяне графов Шереметевых вышли в именитое купечество, – другие если были и меньше счастливы, то, во всяком случае, жили безбедно.

Иное положение было крестьян мелкопоместных помещиков, особенно вдали от центров, – а также и в тех крупных хозяйствах, где помещики годами жилали за границей, в имения наведывались и поручали все хозяйство на руки управляющих из немцев, чехов, поляков и проч. Немало тоже в Новороссии появилось помещиков из инородцев, сербов и проч. Во всех этих случаях положение крестьян было очень тяжелое. Крестьяне стояли в полной зависимости от управляющих. Управляющие не брезгали возможностью добрую часть помещичьих доходов класть себе в карман, – но это не мешало им вытягивать все соки из крестьян.

Слухи о «воле» ходили по земле давно и в царствование Александра I, и в царствование Николая I, и в царствование Александра II. Мелкие помещики приходили в ужас от мысли остаться без рабов и в ожесточении старались возможно

полнее выколотить свое обеспечение. Трудно себе представить что-нибудь ужаснее положения этого крестьянства. Я лично застал крепостничество в последние годы его существования. Особенно ужасно было оно вдали от центров в Малороссии и Новороссии. Крестьянское положение южных губерний было несколько иное, чем в центре России или на востоке и севере. На юг был занесен след еще польского крепостного права, где на «быдло» смотрели хуже, чем на скот, и где помещик над крестьянами имел право жизни и смерти.

Да и то, правда, крестьяне зачастую теряли образ человеческий. Это были существа, очень похожие на человеческие, – мелкие, худые, бледные, с косматой головой и с такой же бородой. Одевались они в тряпки из холста или в овечьи шкуры, – на ногах опорки или тряпки. Жили они или в землянках, или в жалких хатках. Дальше своей деревни – мало кто знал другой свет. Эти крестьяне главным образом обрабатывали землю, добывали хлеб и составляли из него деньги, которые затем должны были перейти в карман помещиков и управляющих. Правда, часть хлеба давали и крестьянам для еды, но этот хлеб часто бывал с примесью мякины... Личность таких несчастных как людей была ничем не обеспечена. Я лично видел случаи, когда отца семьи продавали в одну сторону, мать – в другую, а детей в третью. Крепостные с легкой душой сменялись на собак, лошадей и другие предметы. Управляющие и помещики проявляли свои права не только на женский труд, но и на личность женщины.

Крестьяне были не только бессильны, но и бесправны...

Можно ли было от жалких полуживотных-полулюдей (питекантропов) ожидать национализма?.. Да, был он и у них, ибо и они были кое-какие люди... Был он у них хоть и в слабой степени, хоть и туманен, а все-таки не меньше, чем у людей и просвещенных, но с атрофированным национальным чувством...

Возьмем хотя бы администрацию. Высшие должности занимались преимущественно иностранцами или инородцами, относившимися к России по меньшей мере презрительно, – а более низшие административные должности занимались хотя и русскими, но либералами, космополитами, с презрением относившимися к «квасному патриотизму»... Официальные сферы выработали «человека» и презрительно относились к «русскому человеку».

Многие русские ездили за границу, и почти на всех из них «заграница» влияла пагубно в национальном отношении. Более глупые, видя за границей культуру, роскошь и удобства, возвращались домой с презрением и омерзением ко всему русскому. Они приезжали домой только затем, чтобы собрать крохи деньжонок из тех же питекантропов и опять вернуться за границу. Другие понимали науку и просвещение Запада, ценили его, ставили его идеалом для Родины, – но к Родине и к родному относились или безразлично и безучастно, или с намерением искоренения всего русского и насаждения заграничных начал. Если те и другие люди по-

ступали на службу, то есть помощниками и исполнителями велений инородных высших административных властей, то едва ли русский национализм мог найти в них своих верных слуг.

Дворянство и общество в большинстве относилось к народу сочувственно и благожелательно, – но во всем этом говорило не родное русское чувство, а космополитический либерализм, заставляющий стремиться к свободе личности и правам «человека». Интеллигенция – люди, стоящие у науки, литературы, образования, – безусловно, были на стороне страдающего народа, – безусловно, добивались его свободы и человеческого существования. К тому стремились и западники, и славянофилы, – но те и другие печалились о спасении «человека», а не «русского человека». Славянофилы несколько думали и заботились о России и русских интересах, да и то относительно. Катков, Хомяков, Аксаков, Самарин, Киреевский, Пушкин и др. – вот немногие дорогие имена, для которых слова «Россия» и «русский» были не пустые звуки.

Нужно добавить, что в это время в общество «русское» и «русскую интеллигенцию» уже пробиваются инородцы: поляки, жида крещеные, армяне, немцы и ловко стараются воспользоваться общественным либерализмом после Крымской войны в пользу «угнетаемых» поляков, немцев, армян и жидов.

Либеральная бюрократия нисколько не стеснялась давить

и угнетать русский народ, – но она была особенно жалостлива к инородцу.

В силу ложного фарисейского либерализма теперь все возопило об угнетении поляков, евреев, финнов, армян и пр. Всем этим инородцам дали простор, дали свободу, приняли в интеллигенцию. Ряды русской интеллигенции пополнились поляками, евреями, армянами и проч. В силу необыкновенной наглости одних и патологической скромности других вышло так, что инородческий элемент взял верх в интеллигентном слое и открыл бесстыдную ругань на все русское, на все народное. Стало возможным позорить свое родное. А русские интеллигенты или позорно молчали, или подло поддакивали, – это называлось либеральными направлениями... Не то же ли мы видели и теперь в некоторых партиях нашей Думы... «Естественно, что наше правительство, – говорит лидер национальной партии П.Н. Балашов, – занятое всесторонним оздоровлением русского населения посредством испытания всего русского, мало обращало внимания на окраины, предоставляя им права и преимущества, в большинстве случаев значительно превышающие права коренного населения. Вскоре правительство пошло дальше и решило этих пасынков перевести в «истинных сынов России», чтобы они все стали родными сыновьями...»

Естественным следствием этого было то, что либеральная бюрократия, сдобренная значительным числом инородцев, систематически подавляла все национальное и способство-

вала подъему инородческому в ущерб державной нации...

Вот что говорит об этой эпохе наш националист-публицист М.О. Меньшиков⁷. «С конца восемнадцатого столетия интеллигенция наша увлечена в общеевропейский революционный поток, в отрицание действительности, коль она есть, в попытке создать что-то новое, совсем не похожее на природу общества. Первым следствием этого революционного движения в России был упадок национального чувства. Вторым следствием революционной проповеди было то, что образованные наши классы отошли от практического труда и погрязли в безбрежной метафизике, в самом деле усомнившись в древних профессиях, составляющих ткань общества, усомнившись в военном деле, в административном, в церковном, в дворянско-поместном и проч., образованные люди во всякий личный труд свой внесли невольное пренебрежение к нему, нравственное отрицание... Подтачиваемый со всех сторон древний органический труд, слагавшийся естественно, как вся природа, действительно одряхлел, ткани его, подмененные ненастоящими людьми, ослабели, культурный труд – особенно в форме государственной – упал в своем качестве. Все это расстроило и расслабило натуральное стремление общества и подготовило почву для внедрения инородческого паразитизма. Эти расслабленные народные проповедники прививали изнеженные и расслабленные чувства, выражали отвращение к народному мужеству, внед-

⁷ Меньшиков М.О. Молодая Россия.

ряли страх к борьбе. В то время как эти либералы мечтали о всечеловечестве, о вселенской правде, о вселенском единении, о призвании русского народа всем служить и всем уступать, народ дичал, покинутый без всякого культурного руководства. Буржуазия дичала. Бюрократия, обильно разбавленная инородчиной, мертвела. Аристократия втягивалась в либеральное бесстрашие и в полный для своей родины нейтралитет, скорее враждебный, чем сочувственный⁸. Национализм маниловской Московской школы клонит непременно к самоунижению, к самоопорочению, к низведению племени нашего на степень подстилки для народов, т. е. то, что говорят немцы относительно славян... Мы, русские, почему-то обязаны поражать весь свет своим великодушием, должны, как пеликаны детей, кормить своей кровью всех, – даже не собственных детей. Ни кто иной, а мы должны отвоевывать права для чужих народов, – мы обязаны освобождать угнетенных славян, мы же должны награждать их конституциями, – мы же обязаны давать полный доступ в свое тело паразитным племенам и устраивать для них государства в своем государстве...»

Состоящее из таких мягкотелых либералов наше правительство⁹ и в теории, и на практике держалось взгляда, что государство должно безразлично относиться ко всем национальностям, какие есть в России, и отнюдь не отдавать осо-

⁸ *Меньшиков М.О.* Новый и старый национализм.

⁹ *Меньшиков М.О.* Успехи национализма.

бенного предпочтения русской. Правительство, как исполнительный орган всего государства, полагало, что оно обязано держать нейтралитет в борьбе мелких инородческих национализмов с народом русским.

Вот та атмосфера, в которой культивировался русский национализм начала царствования Александра II.

Но вот эмансипация совершилась. Крестьяне были освобождены. Миллионы людей получили звание человека и избавлены от рабства. Государство претерпело громадный переворот. Помещики спешили воспользоваться выкупными деньгами и безумно их тратили. Управляющие реализовывали припрятанные ими капиталы покупкой опустевших помещичьих имений. Крестьяне, освободившись от вековой опеки, не знали, что с собой делать и как приняться за дело. Они приблизились к человеку, но не стали еще людьми. Это были антропитеки – существа, стоящие близко к человеку.

Дело эмансипации не ограничилось освобождением крестьян от крепостной зависимости. Эти существа получили равноправие со всеми людьми. Они стали равными со всеми не только перед Богом, но и перед законом. Все это ставило в необычное положение и крестьянина и в особенно опасное положение бывших помещиков.

Это «пагубное» направление равноправия перед судом, а еще более пагубное пробивающееся кое-какое самосознание мужика не могло не возбудить ужаса в душах «благонамеренных» людей.

Освобождение крестьян от крепостной зависимости не могло не отразиться и действительно отразилось на отношении к ней интеллигенции – это самая дорогая и самая важная часть любого общества. Это мыслящая часть общества. Это глава его, мысль его, жизнь его. Сюда относятся: ученые, писатели, журналисты, студенты и т. д. Как самая чуткая, мыслящая и наиболее реагирующая часть, интеллигенция не может не быть национальной. Наибольшая часть нации, ее тело, ее главные соки, ее труд и кровь – это простой народ. Во всех государствах этой части нации хуже всего живется. Поэтому интеллигенция по своему уму не может не интересоваться тем, что составляет главную основу жизни нации – ее народом, а по своей порядочности и чистоте она не может не интересоваться народом потому, что это самая страдательная часть нации. В силу этого интеллигенция всегда должна быть национальна. И в большинстве так это и бывает.

Так было и у нас, в России. «Мы не станем отрицать того, – говорит профессор Т.В. Локоть¹⁰, – что центральной идеей, окрашивавшей мировоззрение русской интеллигенции с самого появления ее на общественной сцене, была идея освобождения крестьян, т. е. идея, самым тесным образом связанная с жизнью великого коллектива – многомиллионной массой крестьянства, – вполне справедливо присваивать более широкий общественный титул – народа... Идея освобождения крестьян давала основное содержание духов-

¹⁰ Локоть Т.В. Оправдание национализма. С. 4.

ному облику русской интеллигенции вплоть до 1861 г. И эта идея покоряла, подчиняла себе интеллигенцию, выходящую не только с низов населения, но и из самых верхов имущей аристократии». «Эта разночинная интеллигенция по своему своему социальному характеру и происхождению не могла не быть демократичной. Получилась картина полного сплошного демократизма всей русской интеллигенции».

С наступлением эмансипации крестьян положение интеллигенции несколько изменяется. Страдания народа не являются уже столь тяжкими, как прежде. Цепь рабства снята. Народу дана свобода. Национальные качества народа космополитическую интеллигенцию мало интересовали. Русский народ не являлся для интеллигенции острым, жгучим вопросом дня. В силу космополитизма ее стали интересовать вопросы побочные – судьбы человечества. На сцену выходят национальные вопросы поляков, малороссов, евреев. Интеллигенция выбирает своим кумиром свободу человека, а ловкие инородцы успевают создать в ней симпатии к автономизму и сепаратизму тех именно наций, за завоевание которых ее предки проливали море крови.

Космополитизм еще более одолевает интеллигенцию и увлекает ее от нации и своего народа. Космополитическая и совершенно безнациональная бюрократия была еще и того хуже.

Между тем освобожденный народ стал сознавать себя и понимать свои права.

Являлась великая опасность для государства. Нужно было придумать мудрую, целесообразную и решительную опеку над своевольными крестьянами. Для этого был выпущен на этих, не сумевших еще осмотреться и устроиться людей целый институт полиции: исправники, становые, окружные, урядники и т. д. и т. д., – напущена была целая туча чиновников, придуманы были особые меры предупреждения и пресечения преступлений и т. и. В это-то время народились и утвердились особенно известные термины внутренней политики, как «кузькина мать», «ежовые рукавицы», «Сидорова коза», «маков цвет», «страна, куда Макар телят не гонял» и проч.

Между тем, как ни опекали народ, как его ни обезличивали и ни давили, – народ сам по себе способный и даровитый давал много порослей, которые пробирались в средние школы, достигали высших школ и завоевали себе место на пиру жизни интеллигенции.

Правда, шествие его по жизненному пути давалось ему с большим трудом. Вверху, в университете и проч., все было занято, все было наполнено. Там царили разночинцы. Там были остатки интернациональные и офранцузенных помещиков, поповичи, купецкие сыновья, инородцы, поляки, немцы, крещеные и некрещеные евреи и т. и. Сюда-то и попал «кухаркин сын».

Близилось время, время, когда антропопитек превратится в настоящего человека и властно скажет: теперь и я чело-

век, – позвольте и мне воспользоваться моим правом человека и трудами моей плоти и крови, моего пота и моих рук...

Это был момент ужасный. Почти 1905 г. Бюрократы купались в холодном поту в ожидании этого момента. Полиция и чиновники изо всех сил выбивались, чтобы подавить и оттеснить этот натиск. Министерство просвещения не отставало... Кузькина мать постоянно была обеспокоена. Макаркины Палестины усердно заселились... а беспокойству и конца не видно было. Понадобился даже Лорис-Меликов.

Но вот явился император Александр III, и все затихло, все успокоилось. Этот царь всю свою жизнь отдал своей родине и своему народу. Он поднял его просвещение. Позаботился об уменьшении обложения. Обратил внимание на его жизнь и все меры принял к тому, чтобы поднять его благосостояние, просвещение и нравственность. После императора Петра I и Екатерины II это был виднейший царь своего народа, царь национальный. При нем возглас «Россия для русских» громогласно раздался по всей Руси.

И эту мысль он исповедовал не только на словах, но проводил ее и на деле. И многие, многие вздрогнули от этого клича и внутри России, и вне ее. Невольно у врагов России дрогнуло сердце при мысли, неужели проснулся колосс... Екнуло сердце и у любящих свою Родину при мысли: и мы будем жить... Нет, успокойтесь... Колосс не проснулся. Он открыл только один глаз и опять заснул.

Почему такая неудача? Почему Россия не встрепенулась

при этом призыве? Почему этот клич даже из уст всесильного и всемогущего монарха не пробудил Илью Муромца? Не пришло время.

Для проявления национального самосознания требуется прежде всего сознание своего личного собственного достоинства, сознание человеческого достоинства. Нужно, чтобы человек прежде осознал, что он человек, и признал в другом человеке такого же человека. Уважая самого себя в себе, человек и в другом человеке уважает самого себя, и, только уважая другого, он может требовать уважения к себе. Только на этом самосознании и на признании в ближнем человека зиждется долг по отношению к Богу, Родине и т. д. Бессознательное богопочитание есть обрядность и идолопоклонство, – и только сознательное богопочитание есть молитва. «Познай самого себя» – это изречение должно быть первым лозунгом каждого образованного человека, – вслед за которым и в тесной связи с ним должен идти второй лозунг: «Познай свою Родину» (Стриндберг).

Россия в царствование императора Александра III состояла из массы темного народа, чиновников и небольшой группы интеллигенции.

Масса народа – это были еще рабы. Они родились рабами и воспитывались рабами. Они не только не были осмысленными русскими, но не были еще и людьми.

Если у них и просыпалась любовь к Родине, то эта любовь была любовь темная, прирожденная, инстинктивная, не

освещенная сознанием.

Высшие чиновники государства были преимущественно инородцы: немцы, шведы, поляки и проч. В самом лучшем случае они могли быть патриотами, – но вместе с тем они были националистами, но националистами своего народа, а не русскими, к которым они относились свысока, если не пренебрежительно и презрительно. Были славные русские вельможи, великого ума и беспредельной любви к Родине, – но их было мало. Остальные чиновники были людьми в футляре, без нации, обезличенные, что однозначно с рабом, только полудивилизованным.

Интеллигенция состояла из инородцев или если и из русских, то, в силу естественной тогда реакции на прежнее рабство, из интернационалов.

Могли ли эти люди поддерживать идею Александра III?

Неудаче этой идеи императора-националиста много способствовала и другая причина.

Призыв императора Александра III пал на каменистую почву и на почву, заросшую терниями и волчками. Национальная идея до этого времени была систематически и весьма плодотворно вытраиваема трудами в деле воспитания народа графа Д. Толстого, графа Делянова, а главное – его бессмертных сотрудников.

Граф Д. Толстой царствовал в 70—80-х гг. В это время из слоев низшего народонаселения в просвещенную среду пробивался кухаркин сын. Он успевал пройти Сциллу и Ха-

рибду кузькиной матери и макаркиных палестин и благополучно добирался до университета. В это же время явился из Женевы инородческий нигилизм. Этот нигилизм нашел необыкновенно плодотворную почву в тогдашнем юношестве. Это был период реакции на вековые устои русской государственности.

Нигилизм отрицал Бога, отрицал царя, государство, Родину, семью, отца, мать и т. д. – и взамен этого не давал ничего... Nihil.

Если в тогдашней молодежи не было ничего национально-го, то и лучшее общество тогдашнее не могло послужить национальным примером для молодежи. «Только недавно передовые русские перестали стыдиться говорить между собою по-русски. Я еще хорошо помню время, когда степень образования измерялась свободностью французского изложения мысли», – говорит Д.И. Менделеев... Да прошло ли то время совсем и теперь?

И вот граф Толстой, тогда министр народного просвещения, человек бесспорно умный, решил задержать этот умственный разврат и направить нигилистическую пляску в русло человечества и истинного гражданства. Образцами античной Греции и славного Рима он захотел воспитать русское юношество и дать России граждан столь же сильных, столь же мощных и столь же славных, каковы были великие герои Спарты и Рима. Наилучшим способом для этого он признал за благо введение изучения классицизма в его ори-

гинальных произведениях. Образцами героев Греции и Рима он хотел воспитать в русских юношах сознание собственного достоинства, уважение к другому человеку, сознание долга, любви и преданности родине и т. д. Только ли такими соображениями руководствовался граф Толстой – трудно сказать. Многие утверждают, что в основе его начинаний лежали гораздо более низменные поводы и побуждения. Если таковые побуждения, может быть, и были у графа Толстого, то, во всяком случае, они не были известны всем его сподвижникам, за что говорит имя попечителя Московского учебного округа князя Н.П. Мещерского, который, как мне лично известно, был идеально честного ума и сердца и беспредельной любви, преданности и самопожертвования к Родине. Этот человек немедленно вышел в отставку с водворением Делянова в Министерстве народного просвещения.

Сподвижники графа Толстого были классики глубоких убеждений, как А.И. Георгиевский, Н.А. Любимов и др.

Задумано и сделано. Машина была заведена и пущена в ход. Но машиниста перевели в другое место, а другой машинист, особенно его прислужники, понял его идею совсем иначе и артистически провел ее в жизнь в своем духе.

Для проведения в жизнь идей Толстого нужно было, чтобы и сами воспитатели в первую голову были примерными греческими и римскими гражданами в России и послужили образцом для юношества, а также чтобы и лица министерства на деле исповедовали эту мысль. Требовались умение,

терпение, любовь к Родине, любовь к юношеству и безграничная преданность, как в воспитателях, так и в министерстве. Но ничего подобного не было ни в воспитателях, ни в министерстве. Вместо того там царил бесстыдный карьеризм, протекционизм и, быть может, сознательное противодействие национализму, а главное – беспардонное и безграничное указание кузькиной матери, «где раки зимуют» и макаркиных палестин.

Идею графа Толстого граф Делянов и его присные поняли с другой стороны.

Молодежь пытлива, молодежь увлекающаяся, молодежь беспокойна, бурна и стремительна. Чтобы ею управлять, нужно иметь терпение, выносливость, правдивость и любовь. А до того ли карьеристам... И вот они классические идеалы и истинный классицизм превратили в школьный или классный классицизм, то есть в систему, в силу которой совершенно подавлялась человеческая личность, человеческая душа, человеческая инициатива.

Вместо понимания возведено было в идеал зазубривание и вместо духа классических героев – форма классических языков. География, история Родины, русская литература были отгеснены на самый задний план, впереди же всего шли латинский и греческий языки.

Довольно будет сказать: гимназисты свободно переводили с латинского на греческий язык и с греческого на латинский и не умели грамотно писать по-русски. Чего же дальше...

Но главная цель была достигнута. Знание и любовь к работе были убиты. Очень-очень крепко была внедрена ненависть ко всему, что имело вид русской власти, русского направления, русской веры. На смену явились неверие, отрицание, ненависть и презрение ко всему существующему вокруг – реальный и активный нигилизм и отрицание.

Всякая умственная инициатива была подавлена в корне. Сознание собственного достоинства было в душе глубоко вытравлено. Умственная и душевная нивелировка была совершеннейшая, все приведены были к одному знаменателю. Людей не было. Были манекены. Получились бездушные, бессмысленные, тупые, подавленные и разбитые люди, годные на одно – беспрекословно подчиняться, подчиняться первому попавшемуся коноводу, но скорее, в силу духа отрицания, коноводу-анархисту. Это было панургово стадо, во главе которого стояли даже не козлы, а бараны и ослы. Школа убила Бога, убила национальность, убила государственность, убила общественность, убила семью, убила человека.

Нелегко далось это графу Делянову. Ирод, царь Иудейский, избил 30 тысяч младенцев мужского пола, а граф Делянов сделал это сторицею. Стон стоял в России от воплей родителей и просвещаемых и безбожно изгоняемых из школы детей. Поступало в школы 100 мальчиков, а оканчивало 10. Где же остальные девались?

На улице. В кадрах хулиганов. В объятиях революции...
Да где же им и быть... Не получивши образования, без

всяких знаний, без диплома, без надежды получить где бы то ни было кусок хлеба, озлобленные, без веры, без национальности... куда им?.. Проклятия остались памятником этому министерству...

На эту-то почву, вспаханную и политую кровью и ненавистью ко всему в мире, пал призыв Александра III.

Диво ли, что он вызвал малую реакцию...

Но если даже мы оставим в стороне то подавляющее, то обезличивающее, то нивелирующее воздействие школьного классицизма, которое так энергично внедрялось Деляновым в средней школе, то и помимо этого пагубное влияние для государства заключалось в вытравлении в детях всего национального и в создании из них человека, космополита. Вот почему наши классические не национальные гимназии готовили не борцов, не людей мощных, а слизняков и слюнтяев, неграмотных, безымянных, воспитанных на мертвых языках и пригодных только для вымирания.

Помимо всех прочих недостатков нашего школьного классицизма, нужно указать и на то, что он не подходил к духу и времени нашего народа. Из нас, русских, хотели сделать греков и римлян. Это то же, что цыпленка заставить быть утенком и плавать по воде, а утенка превратить в цыпленка. Мы, русские, люди севера, холодной и однообразной природы, которая требует изучения, знания и великого труда. Такова и натура русского. «Приноровиться, приглядеться к делу, обнять его понемногу, упорным трудом – составляет ис-

тинный прием реализма, – говорит Д.И. Менделеев, – и это дело истинного гражданина русской земли. Недаром между русскими учеными больше всех успели выдвинуться реалисты». Классицизм же ведет к рационализму, порождает эгоизм и карьеризм, «который дали, дают и будут давать средние школы классического типа... Там, где основание народной истории идет прямо от латинян, классическое образование прекрасно отвечает целям государства, но у нас и в наше время, когда надо отвоевать от природы, а не от людей, главные условия роста народного и когда рационалистические попытки и красные слова потеряли во всем свете свой прежний вес, средневековая система образования – сущее зло... Англичане, у которых до сих пор классическое образование довольно распространено, при всех своих достоинствах, все-таки в целом обладают многими жестокими и несимпатичными сторонами... Это приписывают обыкновенно характеру народа, а по мне это плоды классического образования Англии» (Д.И. Менделеев).

Нужно ли насиловать русскую натуру классицизмом – натуру, отличающуюся добротой, мягкостью, благодушием и склонностью к самопожертвованию, доказательством чему служит целый ряд войн за освобождение славян...

При всех вышеуказанных условиях, кто же мог в России поддержать высокую идею Александра III?

Теперь, когда верховная власть 17 октября 1905 г. признала самосознание русского народа настолько установив-

шимся, что призвала граждан к принятию участия в устройстве и управлении государством, сознательный русский национализм должен вспыхнуть в той мере, в какой он и может вспыхнуть в народной массе, начинающей жить сознательной национальной жизнью. Теперь действительно настало время его мощного господства и влияния в течение государственной жизни.

В настоящий момент мы вступаем в младенческий период национального самосознания и сознательного русского национализма.

Как и следовало ожидать, в столь юной гражданской стране, в стране, можно сказать, где гражданственность еще в младенческом состоянии, проявление национального духа выражается несмело, отдельными вспышками, враздробь и недостаточно настойчиво. И это весьма естественно. Русские еще не успели столковаться и сплотиться, а очень многие из активных общественных деятелей состоят из инородцев, сепаратистов и продажных русских либералов, в интересах коих стоит не содействие развитию народного духа, а противодействие ему. Пресса, тоже в огромном большинстве инородческая, всеми способами помогает этому противодействию. Даже между настоящими русскими нашлись предатели и иуды, которые не считают за позор и бесчестье клеймить свою Мать-Родину... А мы, русские, еще так рабски запуганы, так малодушны, так непривычны высказывать свое личное мнение, что не решаемся достойно и по заслу-

гам оценить и заклеить деяния и тех и других. Сознывая такую слабость нашего национализма, в этот момент инородцы постарались так поднять свой мелкий инородческий национализм, что открыто заговорили об автономии, сепаратизме и даже разрушении господствующей нации на благо их, инородцев...

Весьма понятны озлобление и даже ярость русских инородцев по отношению к русскому нарождающемуся национализму. Это – естественная попытка убить нарождающийся национализм в момент его рождения, *in statu nascendi*. Теперь он еще слаб, юн, хил, и теперь его легче подавить и с ним справиться. Горе, если он разовьется. Тогда придется ему подчиниться.

Понятна и наша слабость в момент возникновения национализма. Многие из нас современники, а другие дети рабов или рабовладельцев, а потому у нас нет еще той силы духа, той духовной мощи, той национальной храбрости, какова у настоящих, спокойно развивающихся граждан. Отстаивать свою национальность далеко не легко. Примером тому служат евреи. Тысячелетия они защищают и открыто охраняют себя от всех, – а и им стыдно бывает иногда открыто признаться, что они евреи. И как часто они прячутся за то русское имя, которое они так ненавидят. Из стыда за свою нацию, за свою народность господин Бродский отказался от своего еврейского имени и принял русское, христианское. Вероятно, ему было чего стыдиться... Но наша нация чиста

и безупречна, и бесчестно стесняться ее открыто исповедовать, а еще подлее – хулить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.